

ГИМН «К АРИМАНУ» И ЦИКЛ «АСПАЗИЯ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПЕССИМИЗМА ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Балаева Светлана Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица
svetlana.balaeva@inbox.ru

THE HYMN "AD ARIMANE" AND THE CYCLE "ASPASIA" IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF PESSIMISM BY GIACOMO LEOPARDI

S. Balaeva

Summary: The objective of the article is to identify the connection between two works by Giacomo Leopardi: the poetic cycle "Aspasia" and the unfinished hymn "Ad Arimane". The main method of research is the comparative historical method, which allows to analyze these works by Leopardi in the context of European romantic literature, as well as in comparison with the then popular theoretical studies on the mythology of peoples and historical and anthropological studies of Persian culture. The article examines the fiction of the first third of the 19th century in the context of interest in exotic cultures, as well as facts from Leopardi's biography that are important for the analysis of his artistic works. Studying Leopardi's works in a comparative aspect allows us to formulate a hypothesis about why the hymn "Ad Arimane" remained unfinished. Leopardi rethinks his attitude towards love, nature and the concept of pessimism in general, which makes it impossible to complete the hymn in the meaningful register intended by the author.

Keywords: Arimane, Aspasia, romanticism, Leopardi, death, suffering.

Аннотация: Задача статьи состоит в выявлении связи между двумя произведениями Джакомо Леопарди — стихотворным циклом «Аспазия» и незавершенным гимном «К Ариману». Основным методом исследования выступает сравнительно-исторический метод, позволяющий проанализировать указанные произведения Леопарди в связи с другими произведениями европейской романтической литературы, а также сопоставить их с популярными тогда теоретическими исследованиями по мифологии народов и историко-антропологическими исследованиями персидской культуры. В статье рассматривается художественная литература первой трети XIX века в контексте интереса к экзотическим культурам, а также факты из биографии Леопарди, важные для анализа его художественных произведений. Изучение произведений Леопарди в сравнительном аспекте позволяет высказать гипотезу о том, почему гимн «К Ариману» остался незавершенным. Леопарди переосмысливает свое отношение к любви, природе и концепции пессимизма в целом, что делает невозможным завершение гимна в том содержательном регистре, который был запланирован автором.

Ключевые слова: Ариман, Аспазия, романтизм, Леопарди, смерть, страдание.

Итальянский поэт Джакомо Леопарди (1798-1837) известен своей философией пессимизма. Его лирика и прозаические произведения насыщены размышлениями о бессмысленности бытия, жестокости природы, жажде смерти, воспринимавшейся как освобождение от страданий и дававшей возможность обрести покой.

Развитие и изменение философии пессимизма у Леопарди можно проследить по страницам его объемного «Дневника размышлений» (Zibaldone, 1817-1832). Для исследователей дневниковые записи стали основным источником понимания авторских интенций и многое объяснили в творчестве Леопарди. Философско-поэтическая система, которую строит поэт, на протяжении лет менялась. В ранние годы Леопарди восхищался языком древних, стремясь перенести в современную поэзию свободу древних стихов [19, с. 2058] или хотя попытаться приблизиться в некоторой степени к их характеристикам.

Древние вызывают у Леопарди восхищение своей устремленностью в будущее, крепостью своих творений, памятников и поэзии. 15 сентября 1823 года в «Дневнике размышлений» поэт писал об этом следующее: «Вообра-

жение и величавые иллюзии, которыми руководствовались древние, и обуревавшая их жажда славы заставляли их все время иметь в виду потомков и вечность, стараться увековечить всякое свое деяние и обеспечить бессмертие себе и своим творениям. (...) Отличительным признаком ручных изделий у древних была долговечность и прочность, отличительный признак изделий нынешних — быстрое обветшание и краткость срока их жизни. И это естественно для века-себялюбца». [4, с. 417-418]

Иллюзии, которые могли испытывать древние, кажутся Леопарди спасительными, он восхваляет телесную силу (в противоположность современным людям древние были ближе к природе, более естественны в своих проявлениях), жертвенность ради великих идеалов, и, конечно, любовь.

Если судить по записям в «Дневнике размышлений», позднее (в июне 1826 г.) Леопарди начинает размышлять о природе страданий, об их происхождении. И страдания оказываются ключевым признаком цивилизованности, современного общества: «Что получает человек, совершенствуя себя? Терпит каждый день новые страдания (нужды — это по большей части не что иное, как

страдания), которых у него не было раньше, а затем находит лекарство, которое без совершенствования человека не было бы необходимо или полезно, потому что этих страданий не было бы. (...) человек разрушает в себе способность испытывать естественные удовольствия. (...) Само состояние покоя и бездействия, столь частое и продолжительное у дикаря (невыносимое для цивилизованного человека), конечно, удовольствие, не активное, но подходящее и достаточное, чтобы заполнить большую, а может быть, и самую большую часть его жизни» [19, с. 4180-4181]. Под «естественными удовольствиями» (*i piaceri naturali*) Леопарди подразумевает покой (*quiete*) и бездеятельность, бездействие (*inazione*).

Обретение покоя — одна из линий повествования лирического героя в цикле «Аспазия» (*Aspasia*, 1834), в который входят пять стихотворений: «Консальво» (*Consalvo*), «Неотвязная мысль» (*Il pensiero dominante*), «Любовь и смерть» (*Amore e Morte*), «К себе самому» (*A se stesso*) и собственно «Аспазия» (*Aspasia*). Тема цикла — любовь и ее угасание. Исследователи полагают, что речь может идти о реальной женщине, в которую поэт был влюблен, Фанни Тарджиони-Тоццетти. [16, с. 524] [22, с. 322] В данном цикле можно увидеть, как чувства молодого влюбленного проходят стадии от надежды до смиренного отчаяния и далее к состоянию покоя и бездействия. Надежду в стихотворении «Консальво» можно прочитать в тех строках, в которых поэт описывает чувства героя, получившего награду за свою великую любовь перед неминуемой смертью:

Я жил не зря,
Коль было суждено моим губам
Коснуться этих губ. Считаю даже
Счастливым свой удел. На свете есть
Две вещи высшие: любовь и смерть. [5, с. 99]

Страстную натуру лирического героя, вынужденного склонить голову перед силой любви, описывают строки в стихотворении «Любовь и смерть»:

Но ты меня найдешь к любому сроку,
Расправив крылья, вняв моей мольбе,-
Противящимся року,
С челом открытым, рвущимся к борьбе,
С бичующей рукой, залитой кровью
Невиннейшей моей,
Не сыплющим хвалы,
Не освящающим, как повелось,
Одну лишь трусость давнюю людей. [5, с. 193]

Лишь любовь может укротить страстную натуру героя, о чем он заявляет в стихотворении «Аспазия»:

Теперь хвались умением своим.
Рассказывай, что ты одна из всех,
Пред кем я гордой головой поник,
Кому я отдал добровольно сердце
Неукротимое. [5, с. 203]

«У бурных чувств неистовый конец» [7, с. 66], говорит Брат Лоренцо в трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Следует отметить, что Леопарди в «Дневнике размышлений» в разные годы обращается к Шекспиру. [8] Одно из последних упоминаний английского драматурга датируется концом ноября 1828 г., когда итальянский поэт рассуждает о великой страсти и великой боли: «Хорошо известно, что великая боль (как и всякая великая страсть) не имеет внешнего выражения. (...) Другими словами, человек, испытывающий сильную боль, не способен очертить, определить для себя какую-либо идею, какое-либо чувство, относящееся к предмету его страсти... (...) Он чувствует тысячу чувств, он видит тысячу идей, спутанных вместе» [19, с. 4418-4419]. Шекспир для Леопарди — один из великих драматургов, способных выразить страсть, бушующую в герое. [19, с. 4419]

О том, что страсти человека объективно не связаны с предметом внешнего мира, итальянский поэт говорил несколькими годами ранее, когда утверждал ответственность человеческого воображения за его, человека, несчастья: «Вещи, которые существуют, конечно, сами по себе не малы и не ничтожны. Но они и величие, и их свойства - это нечто иное, чем то, чего хочет человек, или то, что, по его мнению, необходимо для его счастья, которое он воображал в детстве и в юности, и которое он все еще продолжает воображать...» (10 июля 1823). [19, с. 2936]

В системе мироздания человек — лишь незначительная деталь, наделенная сознанием, которое и заставляет его испытывать страдания, остро ощущать жестокость природы и ужасаться ей (см. стихотворение «Дрок» (*La ginestra*, 1836). В начале 1830-х гг. Леопарди перестает вести свои записи в «Дневнике размышлений», так что судить об изменениях в его философской системе и о хронологии этих изменений мы можем исключительно по его произведениям.

Одним из наиболее интересных таких документов является неоконченный гимн «К Ариману» (*Ad Arimane*), созданный, вероятно, весной 1833 года [13, с. 399], что примерно совпадает по времени появления с циклом «Аспазия», который впервые был опубликован в 1834 году. Текст гимна был найден в неаполитанских бумагах Леопарди и опубликован гораздо позднее, в 1898 году, в сборнике неизданных произведений Леопарди под редакцией Джозуэ Кардуччи. [12, с. 108-110]

Гимн «К Ариману» — это черновик, набросок, еще не воплощенный в стихах, но в нем читатель снова видит ключевые понятия Леопарди - это буря (*le tempeste*), чума (*le pesti*), жар (*gli ardori*) и лед (*i ghiacci*). Кажется, Леопарди решается дать имя феномену, называемому ранее природой, ответственному за все несчастья человечества: «Царь вещей, творец мира, тайное / Зло, высшая

сила и высший / Разум, вечный / Податель зла и повелитель движения» (Re delle cose, autor del mundo, arcana / Malvagita, sommo potere e somma / Intelligenza, eterno / Dator de mali e reggitor del moto) [12, с. 108].

Творцом мира (autor del mondo) у Леопарди становится Ариман, злой бог зороастрийского пантеона, брат доброго бога Ормузда (Ахурамазда). Эта древняя дуалистическая концепция существования мира утверждает, что зло и добро возникли как части единого целого. Как говорилось в весьма популярной в начале XIX в. книге «История Персии с самых ранних времен до наших дней» (1815), написанной британским историком и военным Джоном Малькольмом (1769-1833), «во Вселенной существовало два начала: добро и зло; одного звали Ормузд, предводитель добра, другого — Ариман, повелитель зла. Каждый из них обладал силой творения; но эта власть осуществлялась с противоположными целями; и именно от их сотрудничества во всяком творении обнаружилась примесь добра и зла» [23, с. 728]. Следует обратить внимание на то, что Ариман и Ормузд в равной степени, что следует из приведенной цитаты, обладают потенцией творения. И в гимне у Леопарди Ариман назван творцом, автором мира (autor del mondo) и царем вещей (re delle cose). Леопарди, впрочем, не упоминает Ормузда вовсе, отказывая доброму началу в участии в творении жизни.

Работа Малькольма была весьма популярна у британских романтиков. Весьма вероятно, что с ней был знаком и Леопарди, поскольку работа «История Персии» была переведена на французский язык в 1821 году [19], и можно с уверенностью утверждать, что Леопарди знакомился с англоязычными произведениями по их переводам на французский язык [11, с. 2140]. Персидская мифология притягивала британских романтиков Байрона, Шелли, Китса, Саути [22, с. 727], а в России, например, она находит отражение в незавершенном романе Михаила Юрьевича Лермонтова «Вадим» (по удивительному совпадению создававшегося также в 1832-1834 гг.), в котором есть такие слова: «Что такое величайшее добро и зло? – два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга». [3, с. 295] Русским и европейским романтикам иранский дуализм был довольно хорошо известен. [2, с. 451-453]

Ариман — герой драматической поэмы Джорджа Гордона Байрона «Манфред». Ариману служат три парки, говорящие: «Лишь для того, чтобы отнимать, / Даем мы смертным жизнь и силы» [1] (We only give to take again / The spirits of our slaves! [10])

В байроновском «Манфреде» духи тоже поют гимн Арману, начиная его так:

Хвала ему, - хвала царю эфира,
Царю земли и всех земных стихий,

Кто повергает целый мир в смятенье
Единым мановением руки! [1]

В финале поэмы Манфред произносит знаменитую фразу: «Старик! Поверь, смерть вовсе не страшна!» [1] (Old man! 'tis not so difficult to die. [10])

«Манфред» Байрона был завершен во время пребывания английского поэта в Италии и опубликован в 1817 году, на итальянском же вышел после смерти Леопарди в 1864 году. Однако исследователи указывают, что с творчеством Байрона Леопарди был очень хорошо знаком. [10, с. 2140] Известно, что итальянский перевод «Корсара» Байрона был в личной библиотеке Леопарди, «Манфреда» поэт прочитал в 1823 г. во французском переводе, а позднее упоминал эту поэму вместе с трагедией Гете «Фауст» в своем дневнике в апреле 1829 года [19, с. 4479].

Впрочем, Ариман в поэме Байрона — фигура второстепенная, главный герой — чернокнижник Манфред, напоминающий немецкого Фауста, повелевающий духами потустороннего мира. Он может все, кроме одного — обрести забвение. Забвение возможно лишь в смерти, так что Манфред ищет смерти, жизнь для него страшна.

Так же страшна жизнь лирическому герою Леопарди в стихотворении «Любовь и смерть», и он призывает смерть:

Смерть дивная, которой лишь одной
Знакома жалость в мире мук земных,
Коль я тебе хоть раз воздал хвалу,
Коль я твою божественную суть
Берег (когда старалась посягнуть
Чернь на нее), преграды ставя злу,-
Не медли больше, согласись склониться
На странные мольбы
И взор печальных этих глаз во мглу
Отныне погрузи, времен царица. [5, 191]

Интересен сам факт обращения Леопарди к Ариману, поскольку отношения Леопарди с мифологией и религией носят более научный, исследовательский характер и не связаны с религиозностью. В лице Аримана, вероятно, итальянский поэт пытается отыскать верный образ в понимании одного из своих современников, немецкого филолога Георга Крейцера.

Георг Фридрих Крейцер (1771-1858) - профессор классической филологии Гейдельбергского университета (с 1804 г.), написавший известный труд «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810-1812). Вероятно, Леопарди был знаком с этой работой, хотя в «Дневнике размышлений» эта конкретная работа не упоминается, но упоминается более поздний труд Крейцера на латыни - Meletemata e disciplina antiquitatis (1817) [19, с. 3588, 3842, 4095, 4147, 4294].

«Символика и мифология» Крейцера была встречена восторженно романтиками, и в целом имела большой резонанс в мире науки. [6, с. 87] В данной работе Крейцер стремился найти научное обоснование для доказательства родства всех мифологий известных народов древности — индусов, персов, египтян, финикийцев и других. [15]

Так, Крейцер дает описание всех крупных религий Запада и Востока, их мифологических основ. Автор опирается на греческие, латинские и современные ему литературные источники, анализирует мифы в связи с осмыслением в них физических проявлений материи, природных циклов. Он сравнивает религиозные обряды и прослеживает их трансформацию в разных географических координатах: например, влияние мифа об Осирисе на восточные религии, на финикийцев, сирийцев и другие народы. В понимании Крейцера, «образ и слово, искусство и речь в этом образе мысли еще не разделены, но взаимно поддерживают друг друга. ...В символическом учении древности сфера речи не отделяется от сферы зримого образа, мудрость этого периода овладевает духом толпы и формообразует его посредством вербальных и визуальных символов». [6, с. 88] [14, с. 20]

Образ и слово не могут быть разделены, так что Леопарди выбирает для персонификации зла мира Аримана, а не более понятного и близкого Люцифера (Сатану). Леопарди нигде не рассуждает о мифологии, но его Ариман — это концептуализация зла в образе, взятом из непривычной культурной традиции. Ариман для Леопарди больше поэтическое выражение ужасного безразличия автора-творца к своим созданиям, потому и нет упоминания о добром боге Ормузде, иначе было бы невозможно создать образ абсолютно враждебного герою мира. Так, у Леопарди мы являемся свидетелями одного из первых примеров, чрезвычайно важных в поэтическом произведении XIX в., примера концептуализации дьявола, который теряет свою телесность и возвращается к истокам символа и понятия. Эта линия концептуализации будет продолжена Шарлем Бодлером в его «Литаниях Сатане» (1857) и гимна «К Сатане» (1863) Джозуэ Кардуччи. Леопарди первым высказывает мысль о том, что Ариман — не бог, а сама суть зла мира.

Леопарди не случайно определяет Аримана как автора (autor), а не творца (creatore), ведь этимологически — автор — это тот, кто увеличивает (от лат. augere — увеличивать, умножать). Ариман увеличивает зло и способствует его распространению. Тот факт, что кто-то или что-то могло его породить, не имеет значения: гимн хочет подтвердить, что зло просто существует, отрицая при этом любую возможность спасения от него: «Дикари и первобытные племена в разных формах не знают тебя. / Но цивилизованные народы и / Простой люд называют тебя по-разному: / Судьба, природа и Бог» (I selvaggi e le

trib'u primitive, sotto diverse forme, non riconoscono che te. Ma i popoli civili ec. / Te con diversi nomi il volgo appella / Fato, natura e Dio). [12, с. 109]

Похожие идеи есть и в цикле «Аспазия». Например, в стихотворении «К себе самому», где враждебной и злой названа именно природа:

Презираю отныне,
Природа, тебя - торжество
Таинственных сил, что лишь гибель всему предлагают
И вечную тщетность всего. [5, с. 195]

В гимне эта таинственная сила, которая действует во вред живым существам, отождествляется с Ариманом.

Гимн «К Ариману» несет в себе глубоко личную ноту. Трудно представить себе что-либо более ужасное, чем это обращение к духу зла, управляющему судьбами человечества и Вселенной. В наброске поэта мы находим в кратком изложении различные пороки, которые позволяют ему верить в божественность Аримана. Сначала Леопарди указывает на состояние творений природы, рожденных в мир для размножения, старения и смерти. Далее он обращается к признанию зла среди первобытных племен и среди цивилизованных народов. Перечисление вредных явлений природы открывает путь для язвительного комментария о естественности несправедливости. Здесь поэт делает паузу, чтобы подтвердить свою веру в вечный триумф Аримана.

Летом 1826 г. Леопарди писал в своем дневнике: «Всё — зло. То есть все, что {есть}, зло; то, что что-либо существует, зло; все существует для злых целей; существование — зло и направлено ко злу; цель вселенной — зло; порядок и государство, законы, естественное развитие вселенной суть не что иное, как зло и не направлены ни к чему иному, кроме зла. Нет другого блага, кроме небытия; нет ничего хорошего, кроме того, чего нет...» [19, с. 4174]

Природа (Ариман) — это единственная сила, управляющая жизнью. И Леопарди — пророк этой силы, поскольку у него хватает мужества признать существующий порядок вещей и не питать оптимистических иллюзий. Леопарди не призывает творить зло, он раскрывает сущность бытия и стремится покинуть этот мир страдания: «При жизни я был твоим величайшим проповедником.... Апостолом твоей религии. Награди меня. Я не прошу у тебя ничего из того, что мир называет добром: я прошу тебя о том, что считается величайшим злом, — о смерти. (Я не прошу у тебя богатства..., не прошу любви, единственного дела, достойного жизни и т.п.). Я не могу, я больше не могу жить» (Io sono stato, vivendo, il tuo maggior predicatore ec. L'apostolo della tua religione. Ricompensami. Non ti chiedo nessuno di quelli che il mondo chiama beni: ti chiedo quello che e creduto il massimo de' mali, la morte. (non ti chiedo ricchezze ec. non

amore sola causa degna di vivere ec.). Non posso, non posso piu della vita). [12, с. 110]

В мире зла единственным спасением будет смерть как выход из вселенной страданий. И казалось бы, ответ найден, ответ в уходе в смерть. Но даже в этом наброске Леопарди не остается певцом истинного пессимизма, не является адептом зла, ни в коем случае не провозглашает зло принципом, которому нужно следовать. У поэта остается неразрешимая проблема, вопрос, с которым он обращается к Ариману: «Зачем, бог зла, ты вложил в жизнь некое подобие удовольствия? Любовь?.. мучить нас желанием, сравнением с другими людьми нашего прошлого...?» (Perché, dio del male, hai tu posto nella vita qualche apparenza di piacere? L'amore?.. per travagliarci col desiderio, col confronto degli altride del tempo nostro passato ec.?) [12, с. 109]

Мир зла, каким видится человеку безразличие природы, все же сохраняет внутри себя тайну. Тайну существования любви. Любовь — это единственное явление в жизни, которое дает хоть какую-то возможность получения удовольствия. Утешение иллюзией, любовью, даровано Ариманом, чтобы сделать положение человека еще более невыносимым. Последняя часть гимна содержит личное обращение Леопарди. Оно включает в себя плач его страдающего духа, мольбу о смерти как единственно возможном облегчении. Важным моментом в гимне становится фраза: «Я никогда не смирюсь» (Mai io non mi rassegnò). [12, с. 109]

Любовь — последняя великая иллюзия, оставленная человеку. Как ранее писал Леопарди в «Дневнике размышлений», «характерной чертой любви является то, что она дает человеку бесконечную идею, которую он может постичь меньше, чем любую другую идею» [19, с. 1017-1018]. Осознание природы любовного чувства — тема цикла «Аспазия». [9] Во всех стихотворениях цикла проявляется определенное сходство в отношении поэта к судьбе. Незаконченный гимн «К Ариману» содержит меньше прямых намеков на само любовное чувство, но вполне логично предположить, что эмоциональный сти- мул был тот же.

Последнее стихотворение цикла «Аспазия» изображает триумф поэта над любовью, освобождение от иллюзии.

Но вот очарование пропало,
И на землю ярмо мое свалилось;
Вот почему я весел. Хоть и полон
Досады я, но после рабства, после
Всех заблуждений я, спокойный, стал
На сторону рассудка и свободы.
Ведь если жизнь без чувств и заблуждений
Ночь средь зимы беззвездная, то мне
За жребий человеческий довольно
Той мести, утешения того,
Что на траве лежу я, улыбаясь,
В неподвижности и праздности и глядя
На землю, и на море, и на небо. [5, с. 203]

Цикл «Аспазия» и гимн «К Ариману» являют собой пример ярких произведений, в которых автор реализует привычный для романтизма нарратив: стремление к смерти как избавление от страданий мира, управляемого неумолимой злой волей. Незавершенность гимна трудно объяснить традиционными причинами. Некоторые ученые полагают, что причина могла заключаться в нездоровье или недостатке вдохновения, поскольку Леопарди обычно делал набросок будущего стихотворения, а затем ждал следующего такого же момента, чтобы расширить идею и завершить работу. [17, с. 163] Но в образности цикла «Аспазия» можно найти возможную причину этой незавершенности, которая заключается в преодолении пессимистического настроения автора. В гимне любовь дается богом зла для умножения страданий человечества. Но в заключительном стихотворении цикла герой освобождается от «ярма». Иллюзии, в том числе счастья любви, даны нам для больших страданий. И освобождение от иллюзий облегчает страдания и освобождает героя, дарит ему покой и возможность вернуться в более совершенное состояние, известное древним людям, — состояние покоя, праздности (quiete) и неподвижности (inazione), которое в стихотворении «Аспазия» звучит в оригинале так: ...neghittoso immobile giacendo, il mar la terra e il ciel miro e sorrido (лежу неподвижно, смотрю на море, землю и небо и улыбаюсь). [18]

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрон Дж.Г. Манфред. Перевод И.А. Бунина. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/perevod/bajron-manfred/manfred.htm> (дата обращения: 02.02.2024).
2. Вайскопф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 696 с.;
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1990. 704 с.
4. Леопарди Дж. Из дневника размышлений // Леопарди Дж. Этика и эстетика. М.: Искусство, 1978. С. 309-436.
5. Леопарди Дж. Стихотворения. М.: Текст, 2013. 288 с.
6. Шалаева А.В. Мифология в романтической науке: символике Фридриха Крейцера // Труды БГПУ. 2014. №5. История, философия, филология. С. 87-90.
7. Шекспир У. Ромео и Джульетта / Пер. Б. Пастернака // Шекспир У. Трагедии. М.: Правда, 1983. С. 16-126.
8. Abbadesse G. La letteratura inglese nell'opera di Leopardi: Shakespeare, Milton, Byron // La Cultura. 2021. A. LIX. N. 3. P. 443-468.
9. Brioschi F. Ars Amandi, Ars Moriendi. Il Ciclo Di Aspasia Nella Storia Dei Canti // MLN (Modern Language Notes). 1976. V. 91. N. 1. P. 101-38.

10. Byron G.G. Manfred. A dramatic poem. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Manfred,_a_dramatic_poem (дата обращения: 02.02.2024).
11. Caesar M., D'Intino F. Editorial notes // *Zibaldone: The Notebooks by Leopardi*. London: Penguin Books, 2013. P. 2111-2365.
12. Carducci G. *Degli spiriti e delle forme nella poesia di Giacomo Leopardi, considerazioni*. Bologna: Zanichelli, 1898. 222 p.
13. Chiarini G. *Vita di Giacomo Leopardi*. Firenze, G. Barbèra, 1905. 479 p.
14. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. Bd. 1. Leipzig-Darmstadt, 1810. 396 S.
15. Galland-Szymkowiak M. La Symbolique de Friedrich Creuzer *Philologie, mythologie, philosophie // Revue germanique internationale [En ligne]*. 2011. V. 14. P. 91-112. URL: <http://journals.openedition.org/rgi/1278>; (дата обращения: 02.02.2024).
16. Gigliotti V. La Canzone Leopardiana 'Alla Sua Donna': Iconografia Di Un'Idea Dell'assoluto // *Lettere Italiane*. V. 60. N. 4. 2008. P. 510-542.
17. Horne J. V. Comment on Some Posthumous Poems and Fragments of Leopardi // *Modern Language Notes*. 1918. V. 33, N. 3. P. 154-163.
18. Leopardi G. *Aspasia*. URL: https://www.giacomoleopardi.it/?page_id=6426 (дата обращения: 02.02.2024).
19. Leopardi G. *Zibaldone di pensieri. A digital research platform*. URL: <https://digitalzibaldone.net/> (дата обращения: 02.02.2024).
20. Malcolm J. *Histoire de la Perse, depuis les tems les plus anciens jusqu'à l'époque actuelle: suivie d'observations sur la religion, le gouvernement, les usages et les moeurs des habitans de cette contrée*. Chez Pillet aîné, 1821. 467 p.
21. Marchand S. Where Does History Begin?: J. G. Herder and the Problem of Near Eastern Chronology in the Age of Enlightenment // *Eighteenth-Century Studies*. 2014. V. 47. N. 2. P. 157-175.
22. Milanini C. Leopardi, l'ordine dei «Canti» // *Belfagor*. 2002. V. 57. N. 3. P. 307-330.
23. Quinlan M.J. Byron's 'Manfred' and Zoroastrianism // *The Journal of English and Germanic Philology*. 1958. V. 57. N. 4. P. 726-738.

© Балаева Светлана Владимировна (svetlana.balaeva@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»